

Возвращение примадонны

Возв. Москва — 1999-11 февр. — с. 11

Аркадий ПЕТРОВ

В этом сезоне она с блеском выступила в мемориальном концерте к столетию со дня рождения Джорджа Гершвина — импровизировала, свинговала и даже лихо отбивала чечетку... Артистка пела в сопровождении знаменитого биг-бэнда Олега Лундстрема, с малыми группами. Хотя самое сильное впечатление оставили ее дуэты с саксофонистом Игорем Бутманом — это был звуковой пинг-понг, когда сопрано Казарновской перехватывало и продолжало музыкальную мысль, начатую тенор-саксофоном Игоря Бутмана, либо наоборот: Бутман развивал и углублял звуковой «тезис», обозначенный голосом певицы. Этот опыт они собираются продолжить...

Творческий путь Любви Казарновской, если анализировать его, глядя из Москвы, — четко делится на три этапа. Сначала эффектный старт на родине: консерватория, Большой театр, Театр имени Станиславского и Немировича-Данченко, Мариинка... Стремительный взлет! Потом столь же стремительный отъезд на Запад, работа на известных оперных и концертных сценах мира, общение с лучшими современными режиссерами, дирижерами, музыкантами... И вот сейчас, пожалуй, можно говорить о постепенном возвращении домой, в Россию. 15 февраля в Большом зале консерватории состоится ее гала-концерт. Для тех, кому удастся на него попасть, Любовь Казарновская несколько часов подряд будет исполнять арии из своего колоссального оперного репертуара. Вместе с певицей в программе будет участвовать выдающийся бас-баритон Саймон Эстес.

— Люба, значит ли, что вы несколько меняете приоритеты и будете теперь больше жить и петь в России?

— Почему бы вам не спросить прямо: Люба, у вас там что-то перестало получаться и потому вы снова здесь? Существует нелепое мешанское мнение, что если артисты активно поддерживают связь с своей Родиной, значит, у них на Западе не ладится. Во-первых, это обидно. Во-вторых — полная глупость! Почему в Болгарии чтят и любят Гяурова? Каждый его приезд — национальный праздник! Или как встречают Паваротти и Френи в их дорогой Модене! Они поют в Модене не потому, что у них нет контрактов в «Метрополитен-опера» или «Ковент-Гарден», а потому, что Модена — их альма-матер. У нас же если поешь дома, значит, у тебя плохо там... Я говорила со своими коллегами — они жалуются. Как только дашь несколько концертов в России, сразу: «А-а-а, готовят запасной аэродром...». В результате они просто боятся сюда приезжать. Боятся сбить репутацию. Хотя на самом же деле безумно скучают по Родине! Так вот: у меня «там» все в порядке, тьфу-тьфу...

— А как вы вообще стали «гражданкой мира»?

— Это судьба. Я познакомилась с моим мужем, Робертом Росцином, в 1989 году. В то время он работал импресарио в одном из музыкальных агентств Вены и вместе с директором Венской оперы г-ном

Любовь Казарновская — действительно примадонна, поющая на лучших оперных сценах мира, восхищающая «горячим сопрано» и артистизмом всех — партнеров, публику, импресарио. При этом она не только певица высочайшего класса, обладательница сильного, ясного по тону, необъятного по диапазону голоса, но и яркая сценическая индивидуальность. Личность. Из числа русских артистов, работающих сегодня на Западе, такого уровня добились сегодня, пожалуй, всего двое — Казарновская и Дмитрий Хворостовский. Она поет, танцует (как в опере, так и в классической оперетте), не боится пробовать себя в эстрадном и джазовом репертуаре, где ее кумирами являются Жюльетт Греко, Эдит Piaф и Элла Фицджеральд.

Холендером приехал послушать молодых русских певцов с дальнейшим намерением заключить контракты. Без ложной скромности скажу, что к тому времени была на взлете. Мне еще не было тридцати, а я перепела огромный оперный репертуар: донну Анну и донну Эльвиру в «Дон Жуане», Леонору в «Трубадуре», Леонору в «Силе судьбы», Маргариту в «Фаусте», Виолетту в «Травиате»... И вот Холендер и Роберт приглашают меня на прослушивание в Вену.

— И вы с Робертом влюбились друг в друга...

— В моего мужа, по-моему, невозможно не влюбиться! (Могу подтвердить: красив, элегантен, остроумен, с прекрасными манерами. — А. П.) Параллельно я слушалась в Цюрихе и Амстердаме. На прослушивании в Вене случайно оказался Михаэль Хампе, режиссер, ставивший с маэстро Караяном его последние спектакли. Он обещал рассказать обо мне маэстро. Позже смешно копировал выражение моего лица в тот момент: как же, будет ваш маэстро меня слушать... И вдруг — звонок из Зальцбурга! Я буквально, как птица полетела на ту встречу, помня, что он почти никогда не дослушивает до конца рекомендуемых ему «молодых дарований» и только машет рукой: до свидания! Готовая к самому плохому, я пою ему одну арию, вторую, третью... И получаю контракт, первый в жизни! Сейчас он висит у меня дома в рамочке, как реликвия. Итак, я должна была петь с Караяном в «Реквиеме» Вер-

Из архива Л. КАЗАРНОВСКОЙ

ди, но пела, получилось, в его память, ибо маэстро не стало за несколько дней до этого. Дирижировал Рикардо Мути. Зал плакал. Люди встали и так почтили великого музыканта. От Мути я тогда же получила приглашение в «Ла Скала». Ну а дальше я пела практически во всех лучших театрах, со всеми лучшими дирижерами мира: с Левайном в «Метрополитене», с Хаттингом в Лондоне и Зальцбурге, с Баренбоймом, с Аббадо — и продолжаю это делать.

— Западные импресарио отработали четкую схему: сначала присматриваются к артистам, приезжающим из других городов в Москву, приглашают их на прослушивание, скажем, в Вену, Штутгарт или Гамбург. И, как говорится, далее везде...

— Это сейчас так. Когда уезжала я — отбор был более строгим. Сейчас на Запад едут все подряд. Спонсор дает деньги на билет, человек летит — готов ли он, не готов... Поет прослушивание. Но через два года человека нет. Я понимаю этих людей: жизнь тяжелая, и они соглашаются петь спектакль за 500 долларов. То есть — на любых условиях, сбывая тем самым, кстати, рынок. А потом происходит ломка. Я сама наблюдала столько трагедий...

— Отчего все-таки это происходит?

— Чаще всего наши певцы на Западе не удерживаются из-за отсутствия школы, опыта и незнания стилей. То есть обладать хорошим голосом и сносно произносить по-

итальянски или по-французски слова — вовсе не значит владеть стилем. Ведь мы часто смеемся над тем, как иностранцы исполняют «Евгения Онегина» или «Пиковую даму»... Нам смешно, поскольку это «не про нас». Вы знаете, я для того, чтобы петь Моцарта в городе Зальцбург, занималась три месяца с ассистентом Рикардо Мути Бобом Кетельсоном. Я пела: «Вьени Кара Сюзанна...» — «Нет». — «Что нет?» — «Ты поешь, а мне нужен речитатив. Вье-е-ени, а не вьени». И так — по мотивам, по фразам. Это — адова работа, и не у всех хватает терпения и мудрости пройти через нее. Но иначе нельзя, потому что там больше ценят не голоса, а мастерство, даже ремесло.

Мне повезло еще и потому, что я-то была приучена к титанической работе с самого детства. Я, правда, сначала училась играть на рояле, но волей судьбы моим педагогом в музыкальной школе оказалась двоюродная сестра знаменитой камерной певицы Деборы Пантофель-Нечецкой. Она, услышав как-то мое пение, решила показать меня Деборе Яковлевне, которая и сказала, что «это очень серьезно». В результате я поступила в училище им. Гнесиных на отделение актеров музыкального театра, где нас учили сценической речи и сценическому движению, актерскому мастерству, танцу — всему, что очень мне пригодилось в будущем. Ну и, конечно, вокалу. Я попала к Надежде Матвеевне Малышевой, легендарному педагогу, концерт-

мейстеру Шалапина и оперной студии Станиславского. К тому же она была вдовой знаменитого академика Виктора Владимировича Виноградова, известнейшего пушкиниста. Это был дом, где царили образованность и интеллект. Когда мы с Надеждой Матвеевной начали работать над Татьяной, она показала мне пушкинские черновики, которые Виноградов раздобыл после революции с огромным трудом. Я видела правки, сделанные рукой самого Пушкина! Именно в этом доме я во многом сложилась как личность.

— Если еще вспомнить прошлое, с кем из российских дирижеров вам интересно и плодотворно работалось?

— В Мариинке, когда я там пела, работала целая плеяда блистательных дирижеров: Темирканов, Гергиев, Колобов. Навсегда запомнила работу с Евгением Федоровичем Светлановым. Он потрясающе чувствует баланс голосов и оркестра! Я пела в Большом Февронию в «Граде Китеже» и позволяла себе любимые «пиано», а у оркестра все гармонии были слышны, Светланов не убрал ни одной краски. Незабываемыми стали мои работы с Юрием Темиркановым над «Евгением Онегиным» и с Евгением Колобовым над «Силой судьбы».

— Не так давно на концерте в БЗК вы потрясли зал костюмами и прической. Народ шептался: вот что значит настоящий западный стиль! Кто ваш имиджмейкер?

— Я сама и Роберт. Работаем по принципу: берем то, что есть, и отсоединяем лишнее.

— Кстати, насчет «лишнего»: у вас, кажется, ни одного лишнего килограмма, фигура не оперной, а балетной солистки.

— Я действительно шесть лет занималась балетом. И продолжала активно заниматься аэробикой, гимнастикой, танцами. Выходить в «Саломее» и танцевать 12-минутный сольный танец, а потом тут же петь сложнейшую арию — знаете, какая для этого нужна «дыхалка»! И тело гимнастки. Так что еще я бегаю и сижу на раздельном питании.

— Какие у вас планы, связанные с Москвой, с Россией?

— Я отношусь к той породе людей, которые без России не могут. «Там» я начинаю вянуть. То есть мне там нравится, но мне очень хорошо относятся, но это совершенно другое. Нет того круга общения, того духовного накала, к которому привыкла здесь. Я не могу там поделиться ни с кем бедой или радостью — никого это не волнует: «it's not my problem». Ты постоянно чувствуешь стенку между собой и другими людьми. Поэтому для меня не бывает в России — все равно что не пить воду.

Мы с Робертом хотим привозить в Россию все лучшее. Мы хотим устраивать концерты, как тогда, в Большом театре, в 1989 году, когда по приглашению моего мужа в Москву прилетели Каррерас, Монтеррат Кабалье, Бергонци, Альфредо Краус...

В этом году приедут блистательные певцы Саймон Эстес, Рената Скотто, ведущий концертмейстер «Метрополитен-опера» Джоан Дорнеманн и т.д. Все они не просто выступают, но и проведут мастер-классы.